

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

Основные богословские учения и концепции.

1. Общие замечания

Тема «Церковь и государство» красной линией проходит через всю церковную историю и через все богословие. Это чрезвычайно сложный и запутанный клубок теорий, мнений, острых конфликтов и примеров сотрудничества, - вплоть до почти полного слияния данных двух институтов. Проследить историю этих отношений со всеми их порой крайне причудливыми проявлениями было бы крайне интересно и поучительно. Но, во-первых, в рамках короткого доклада это невозможно, а, во-вторых, я не являюсь церковным историком или правоведом и потому не обладаю подобной компетенцией. Вместо этого я предлагаю схематическое изложение главных богословских концепций, которые осмысливают отношение церкви и государства, а также лишь некоторых практических их выражений. Наибольшее внимание я уделю протестантизму европейской традиции.

Прежде всего следует отметить, что известная нам многообразная напряженность (порой трагическая, а порой творческая и плодотворная) в отношениях между церковью, как религиозным институтом и государством имеет одну главную причину. После того как христианство становится государственной религией в Римской империи, возникает определенная двусмысленность. Дело в том, что римский император по определению является верховным жрецом, *pontifex maximus*. Он должен обладать властью во всех сферах жизни империи, не просто включая религиозную, а *прежде всего* - в религиозной сфере. Но теперь в христианском понимании, император является лишь мирянином, а на власть в религиозной жизни претендуют церковные иерархи. Притом притязания церкви касаются не отдельных аспектов человеческой жизни, а всей ее полноты, включая и общественно-политическую ее сторону. Эта двусмысленность и становится источником напряженности, которая во многом продолжается и до сего времени. Вот для ее решения в христианской теологии – как на Востоке, так и на Западе – и предлагались разнообразные теории. Между ними существуют значительные сходства (особенно в сферах практического применения), но и существенные различия.

2. Теория «двух мечей» и современная позиция католицизма

На средневековом Западе утвердилась теория, восходящая к папе Геласию I (5 в.) и чаще всего именуемая теорией «двух мечей». В зависимости от конкретных исторических обстоятельств она претерпевала серьезные изменения. Вначале речь шла, скорее, о том, что церковь и государство, *sacerdotium* и *imperium* – это два независимых института, каждый из которых обладает своей сферой влияния. Но в ходе церковных реформ 10-12 вв. утвердилась точка зрения, что оба «меча»: и духовный, и светский, обе власти изначально вручены Христом церкви, и она делегирует один из них государству. Таким образом, церковь в лице папства ставилась над государством и империей. Это явилось результатом победы в долгой борьбе, в ходе которой определенное время вся власть практически безраздельно принадлежала империи. Например, император мог изображаться с нимбом, который в иконографии был «зарезервирован»

исключительно для Христа. Для понимания сути этой борьбы нужно отказаться от современного подхода, в соответствии с которым государство представляется нам светским институтом, а церковь – религиозным. Лишь с небольшой долей преувеличения можно сказать, что в истории были эпохи, когда дело обстоит едва ли не наоборот. Во всяком случае, в Средневековье государство понимало себя как христианское и ответственное за христианскую веру, а церковь обладала значительной светской властью и стремилась к ее увеличению. Церковь и государство были теснейшим образом переплетены в едином *corpus christianum*.

В Новое время с возникновением национальных государств и начавшимися процессами секуляризации такое стало невозможным. Государство все более понимало себя как светское и религиозно нейтральное (если не враждебное к религии). Для Римско-католической церкви гораздо более принципиальным, чем ранее стало осознание себя единой всемирной церковью, которая заведомо превосходит государственные границы. 19-й век прошел для католицизма под знаком борьбы за самостоятельность церкви и ее влияние в обществе. В этой борьбе церковь то безусловно вставала на сторону государства, то вступала с ним в ожесточенный конфликт. Примером последнего является знаменитый *культуркампф* в Германии. В 20-м веке исчезли последние государственные римско-католические церкви (за исключением Ватикана). Параллельно начинаются процессы церковного обновления. Они привели и к обновленному пониманию отношений Римско-католической церкви к государству. Церковь признает теперь принцип свободы совести и потому религиозную нейтральность государства. В качестве противовеса подчеркивается, что церковь основана непосредственно Христом независимо от любых мирских авторитетов и инстанций. От Христа же она получила все необходимые права для исполнения своей миссии. Объем этих прав в каждой конкретной ситуации может и должна определять лишь она сама. В осознании границ, положенных государственным законодательством, но именно сама. Это выражается в распространенной практике заключения конкордатов, то есть специальных соглашений между Римско-католической церковью и отдельными государствами. Тем самым церковно-государственные отношения выходят из области внутригосударственного законодательства и включаются в сферу международного права. При этом все же на первом плане стоит интерес не к разделению сфер влияния церкви и государства, а к их совместному служению миру.

3. Восточнохристианское учение о «симфонии»

Своего рода аналогом западного учения о «двух мечах» стало восточное учение о «симфонии» церкви и государства. Оно, точно так же как и западная теория, не является единым и законченным. Существует множество его вариаций. Общим является то, что государство и церковь – различные установления Божьи. Каждое из них действует («звучит») по-своему, но эта их работа должна осуществляться в гармоничном согласии («созвучии»). Верно исполняя свое предназначение, они это согласие достигнут обязательно. Оно, так сказать, «запрограммировано». Диссонанс может возникнуть на практике, но только в случае греховного уклонения от правильного пути одной из сторон или их обеих. Нередко государство и церковь сравнивались с телом и душой в человеке, которые должны находиться в гармонии друг с другом.

Вопрос о равенстве сторон или приоритете одной из них (как в теории, так и особенно на практике) решался по-разному. Чаще всего преимущество отдавалось церкви, поскольку она обеспечивает вечное спасение. А государство должно содействовать церкви, создавая для нее в мире благоприятные условия. Однако встречается мнение и о преимуществе государства. Ведь

оно институт куда более древний, чем церковь. Оно по-своему важнее и в эсхатологическом плане, поскольку христиане ожидают наступления не некой «вечной церкви», а именно *Царства Божьего*. Церковь при таком понимании дополняет государство, открывает в нем своего рода вечное измерение. Фигура императора или царя становится тогда подлинно священной. Он вознесен и над церковью, и над государством, имеет непосредственные отношения с Богом.

В современном православии отношение к учению о симфонии неоднозначно. Некоторые богословы считают, что в контексте современного общественно-государственного устройства оно потеряло свою актуальность. Другие по-прежнему видят в симфонии идеал, к которому можно и нужно стремиться.

Как мне кажется, основное различие учения о «двух мечях» и учения «о симфонии» состоит в их направленности. Она, собственно, намечена уже в наименовании соответствующих теорий. Учение о «двух мечях» исходит из имеющегося тесного переплетения, слияния двух властей и стремится должным образом их разграничить. А учение о «симфонии», наоборот, видя перед собой две разные власти со своими сферами влияния, стремится к их согласию и единству. Отмечу любопытное обстоятельство: подобным же образом можно описать и отличие западного и восточного учения о единстве и троичности Бога.

Теперь настало время перейти к протестантизму. Здесь мы также имеем дело с двумя основными теориями. Каждая из них существует во множестве разновидностей. Одна теория восходит к Лютеру. Она получила впоследствии название «учение о двух царствах». Другая более характерна для реформатского богословия и именуется «учением о царственной власти Христа».

4. Лютеранское «учение о двух царствах»

Учение о двух царствах заключается в следующем: Бог действует в мире двумя разными способами. Во-первых, через проповедь Евангелия он дарует людям вечное спасение. Это проповедь абсолютной любви и безусловного прощения грешников. В этом смысле она «перпендикулярна» реальностям этого мира, - ведь в нем основополагающим является закон воздаяния. Царство Евангелия – это царство и свободы: невозможно никого заставить уверовать насильно. Второй образ действия Бога – это управление миром. Здесь Бог неизбежно действует через установленные им самим законы, в том числе и в общественно-политической сфере. Поэтому здесь не может быть безусловного прощения, а за зло должно следовать наказание. Соответственно неизбежным представляется и насилие. Конечной целью обоих «царств» является человеческое благо: в одном случае – вечное, в другом – временное. Еще раз нужно подчеркнуть: властителем в обоих царствах является сам Бог. «Мирское» царство в этом смысле отнюдь не секулярно. Поэтому любое общественно-полезное служение является *прямым служением Богу* в его мирском царстве. Даже служение, связанное с насилием, например, служение солдата. Оно не только возможно, но и является долгом христианина, хотя и вступает внешне в противоречие с Нагорной проповедью. Строить жизнь в мире по Евангелию невозможно. Оно противоречит законам мироздания и касается лишь наших «вертикальных» отношений с Богом, вечного спасения. В мире служить Богу необходимо в соответствии с мирскими законами. Царство Евангелия является царством Христа, а царство мира – царством Бога, которое осуществляется через закон. Закон этот дан Богом, прежде всего, через голос совести. Ссылаться при исполнении мирских общественных обязанностей на Христа и Евангелие обычно неоправданно, а иногда будет даже граничить с богохульством. Ведь попытка жить, исходя из абсолютной любви и

полного всеобщего прощения, неизбежно приведет к хаосу. Более того: жить по Евангелию - значит превратить освобождающую весть в новый закон, некий свод правил. Жить по Евангелию в мире невозможно и даже бессмысленно. Подобно тому, как бессмысленно пытаться жить по нотам прекрасного музыкального произведения. Именно поэтому Лютер так резко выступил против восставших крестьян: они считали, что раз во Христе все равны, то все должны быть равны и в обществе. Это было для Лютера грубым смешением двух царств.

Церковь существует в обоих царствах. Поэтому закономерным (подчеркну это вопреки мнению многих богослов) является возникновение протестантских государственных церквей: если в церкви есть «мирская» сторона, сторона, подлежащая управлению через закон, то этим управлением должна заняться компетентная инстанция, то есть государство. Это помогает церковным служителям сосредоточиться на существенном – проповеди Евангелия.

Для Лютера единственным светским институтом, через который Бог действует в своем мирском царстве, были государственные власти. Сегодня мы можем и должны видеть это иначе: Бог действует через множество институтов как государства, так и гражданского общества, притом эти институты подвижны, они могут и должны со временем меняться. При таком подходе учение о двух царствах обладает огромным потенциалом. Оно освобождает верующего в его мирской деятельности для свободного и конкретного служения ближнему без постоянной оглядки на религиозные предписания и на недостижимые идеалы. И в то же время оно призывает христианина рассматривать исполнение самых повседневных обязанностей как священное дело, а не нечто незначительное и «бездуховное».

Однако в истории учение о двух царствах часто воспринималось слишком статично, узко и потому недопонималось, служило источником множества злоупотреблений. Они проявлялись главным образом в крайнем политическом консерватизме и чрезмерном верноподданничестве лютеранских церквей по отношению к существующим государственным формам как, якобы, богоданным. Например, даже знаменитый богослов и мученик 20 в. *Дитрих Бонхеффер* понимал свое участие в подготовке покушения на Гитлера как грех. Это грех, который он, как христианин, ради борьбы с очевидным злом обязан был взять на себя. Но это был для него все же грех. Его современник, писатель и церковный поэт с трагической судьбой *Йохен Клеппер* противопоставлял нацистскому государству идеал христианской монархии. В личности монарха сталкиваются оба Божьих царства. Король как прямой проводник воли Божьей в мирском царстве является сакральной и трагической фигурой. Трагической потому, что он вынужден вершить Божью волю в том числе и при помощи меча. Он обречен преодолевать зло другим злом. Но именно эта трагичность возвышает его над прочими людьми, делает его одновременно и «помазанником Божиим», и худшим грешником, и человеком, особенно нуждающимся в прощении Христа и особенно остро чувствующим это прощение. Только власть такого постоянно кающегося и нуждающегося в прощении властителя может принести благословение.

Фактически, крайне консервативное отношение к государственным структурам в немецких лютеранских церквях начинает медленно меняться лишь после Второй мировой войны. Достаточно сказать, что Евангелическая Церковь в Германии впервые официально и публично высказалась в поддержку демократического государственного устройства лишь в 1985 г.!

5. Реформатское учение о «царственной власти Христа»

Такая перемена в отношении протестантской церкви к государству происходит не столько благодаря верному переосмыслению лютеранского учения о двух царствах, сколько благодаря все более очевидному превалированию реформатского учения о царственной власти Христа. Это учение тоже четко разделяет церковь и государство с их особыми функциями. Однако оно подчеркивает, что все в нашей жизни нужно соотносить со Христом и с Евангелием. В том числе и в чисто мирской сфере. Разумеется, буквальное следование Нагорной проповеди в повседневной жизни практически невозможно, однако, это идеал, к которому следует стремиться.

Яркое отражение данное учение нашло в знаменитой Барменской декларации 1934 г. Наиболее известный первый артикул декларации звучит так: «Иисус Христос, как Он засвидетельствован нам в Священном Писании, есть *единое Слово Бога*, которое мы должны слушать, которому мы должны доверять и покоряться в жизни и в смерти. Мы отвергаем ложное учение о том, что Церковь якобы может и должна признавать в качестве источника своего провозвестия помимо этого единого Слова Бога и рядом с ним еще и другие события и силы, образы и истины как откровение Бога». Таким образом, речь идет о том, что все в нашей жизни должно быть под властью Христа и Евангелия. Нет сфер, свободных от его притязаний и его идеалов. Понятно, почему именно такая позиция стала основой для церковного противостояния нацистскому режиму.

Позднее Карл Барт, главный автор Барменской декларации, выразил традиционное учение о царственной власти Христа при помощи образа концентрических кругов: точка в самом центре – это Христос. Маленький круг вокруг него – это христианская община. Его охватывает больший круг, который символизирует гражданское сообщество, включающее в себя и государство. Получается, что Христос – через посредство церкви - является центром и государства, и гражданского общества. Они – осознанно или нет – но имеют к нему отношение. Более того: они способны по-своему быть отражением христианской истины. Учение о царственной власти Христа поощряет политическую активность церкви и преобразования в обществе и государстве. Однако в этом же заключается и его слабость: слишком легко становится идентифицировать какую-либо (пусть и самую замечательную) политическую программу с самим Евангелием, и тем самым поставить его действенность в зависимость от успеха или провала такой программы.

6. Заключение

На этом я завершаю свой небольшой и очень схематичный обзор основных христианских учений об отношениях церкви и государства. В заключение отмечу: на мой взгляд, уже сейчас эта тема начинает терять свою остроту и актуальность, поскольку само понятие государства перестает быть абсолютной величиной. Говорить о его отмирании, конечно, рано. Но очевидно, что в современном обществе западного типа оно сейчас - лишь один из институтов чрезвычайно сложного и гибкого общественного устройства. Соответственно, церкви необходимо осмысливать свои отношения не с государством в первую очередь, а именно со всей этой многоуровневой системой, которую представляет сегодня общество. В то же самое время, как мне кажется, необходимо пересмотреть и традиционное представление о церкви в пользу большей сложности и неоднозначности этого понятия. Сюда же следует отнести и то, что в постсекулярном мире теряет свое значение традиционное для Нового времени разделение жизни на светскую и религиозную сферы, которые вновь оказываются объединены, пусть это их единство и

реализуется иначе, чем в античности или в Средние века. Здесь перед богословием, несомненно, встанут (и уже встают!) новые вопросы и проблемы. Но это тема для дальнейшей работы.